

Маленький цветочный ёкай прислонился к подушке и слушал, как Гэн Ихуай методично перечисляет условия. Вдруг он резко сел и посмотрел на него — во взгляде читалась досада.

— ...Ты согласен?... — Гэн Ихуай осёкся.

Взгляд Янь Цина, почти осязаемо тяжёлый, тут же напомнил ему то самое напряжённое лицо, с которым маленький цветочный ёкай велел ему «не мешать».

— Господин Гэн, я не согласен, — Янь Цин отказался напрямую, ни о чём не расспрашивая.

В доме господина Гэна уже кто-то живёт.

Этот кто-то любит класть на диван милые подушки, обладает изящным чёрным роялем, а когда играет — из-под пальцев льётся такая мелодия, что даже он, притаившийся во дворе кустом, слышит виртуозное мастерство исполнителя.

Янь Цин заметил, как в глубоких глазах Гэн Ихуая мелькнуло редкое замешательство — тот, похоже, вовсе не ожидал такого ответа.

Он прикусил нижнюю губу и уточнил:

— У меня и здесь неплохо. Мы... мы были просто случайностью.

Едва он это произнёс, как за окном налетел порыв ветра. В «неплохом» доме поплыл сквозняк, скотч на треснувшем стекле не выдержал — его сорвало, и в комнату ворвался ледяной поток.

Янь Цин: «...»

Погода, ты вообще не помогаешь!

Гэн Ихуай, похоже, решил, что дело в недостаточно щедрых условиях:

— Если я что-то упустил или условия не устраивают — можешь предложить своё.

Янь Цин вспомнил, что у Гэн Ихуая уже кто-то живёт, — и от того, что тот всё равно завёл с ним этот разговор, поднялось непонятное чувство. Он покачал головой, лицо посуровело:

— Дело не в условиях. Я просто не хочу.

Причин у «не хочу» может быть сколько угодно, но чувство одно. Не хочу — значит не хочу.

Янь Цин чуть приподнял глаза, приготовившись к возможному неудовольствию Гэн Ихуая.

Мужчина сидел, полуопустив ресницы, тонкие губы плотно сжаты, все мысли утонули в глубокой синеве глаз — ни намёка на эмоции.

Ветер шумел, тащил внутрь холод. В комнате стало ещё зябче.

Гэн Ихуай неспешно поднялся:

— Хорошо. Прошу прощения за беспокойство.

Тук-тук-тук.

По старой деревянной двери постучали. Стучавший, видимо, не задумывался — постучал по привычке пару раз и, не дождавшись отказа, толкнул дверь.

И столкнулся взглядом с уже вставшим гендиректором Гэном.

Шэнь Синьши сам не понял, как отступил на шаг: одного этого взгляда хватило, чтобы у него вспотели ладони.

— Шэнь-гэ? — Янь Цин повернул голову. — Ты разве не на работе?

Он тоже поднялся, кивнул в сторону Гэн Ихуая:

— Мой друг. Заехал ко мне.

«Друг» — но господин Гэн был в идеально скроенном дорогом костюме, а на Янь Цине — явно многократно стиранный чистый синий свитер. Совсем разные миры.

Сказать «начальник» звучало бы куда правдоподобнее.

Работа Шэнь Синьши каждый день сводила его с богатыми и влиятельными — он с одного взгляда понял, что стоящий перед ним статный мужчина не чета обычным. Он не стал ничего уточнять, а сразу перешёл к делу:

— Я собираюсь на работу. Ты же говорил, что ищешь пару? У одной моей дальней родственницы девушка примерно твоих лет, утром меня попросили поспрашивать. Требований никаких, лицо не смотрят — лишь бы человек был добрый и целеустремлённый. Условия у семьи так себе... Фотографию тебе скинул — ты не ответил, вот и заглянул. Если интересно — назначу встречу.

Янь Цин огляделся и наконец увидел забытый в углу стола телефон.

Он подошёл, взял его, открыл сообщения — и увидел присланное Шэнь Синьши фото девушки.

Немолодая, но и не старая — вроде ровесница ему, недавно окончившая университет. Не красавица, но и не дурнушка. Обычная девушка — из тех, кого в толпе не разглядишь.

Впрочем, при его нищевродских условиях особо перебирать не приходится.

Янь Цин машинально глянул на Гэн Ихуая, вспомнил идиотское «соглашение о сожителстве» — злость подскочила, и он демонстративно проигнорировал его. Уголки губ приподнялись, он тихонько улыбнулся Шэнь Синьши:

— Давай. Можно познакомиться.

Это была чистая правда — ему хотелось найти пару, с которой можно было бы построить отношения, а не каждый раз в сезон опыления хватать первого попавшегося незнакомца.

Пока его чувства к господину Гэну — всего лишь симпатия. Пусть тот вечер останется досадной случайностью, которая больше никогда не повторится.

С последним словом атмосфера в комнате мгновенно упала до нуля.

Лицо Гэн Ихуая, до того невозмутимое, как гладь колодца, чуть дрогнуло. Выражение по-прежнему оставалось холодным, но брови сдвинулись, а в глазах словно смешались лёд и пламя из неведомого источника.

Голос его прозвучал глухо:

— Я пойду. Не буду вам мешать.

Он сунул руку в карман, сжал губы — с тем самым выражением, от которого Шэнь Синьши стало не по себе, — и стремительно, будто ветром, унёсся прочь.

Господин Гэн был безупречно воспитан: даже уходя в облаке низкого давления и холода, тихо и вежливо прикрыл за собой дверь.

Когда шаги стихли, Шэнь Синьши, всё это время не сводивший с них расширенных глаз, спросил:

— Это правда твой друг?

Янь Цин кивнул.

Он не понимал, отчего господин Гэн так расстроился. Может, потому что он только что отказал ему в совместном проживании?

Услышь Гэн Ихуай мысли Янь Цина — атмосфера вокруг него, вероятно, побила бы все антирекорды.

Отказ жить вместе — не страшно. Он уважал волю Янь Цина.

Раздражение поднялось ровно в тот момент, когда Янь Цин согласился на смотрины.

Как если бы кипяток плеснули в раскалённые угли — не только не потушили, а подняли клубы едкого дыма.

Машина стояла у обочины, водитель ждал внизу. Заметив хозяина, он поспешно выскочил и открыл заднюю дверцу.

Гэн Ихуай ещё не занёс ногу, как перед ним, преодолев ветер, метнулся жёлтый талисман, окутанный демонической энергией и обжигающим холодом. Прохожие и водитель ничего не заметили — вокруг всё оставалось на удивление спокойным.

Из талисмана послышался мягкий, интеллигентный голос Тао Нина:

— Лао Гэн, у входа в логово ЧП. Тебе, вероятно, надо прибыть сюда немедленно.

Судя по всему, случилось нечто серьёзное — но пианист даже в такой момент говорил ровно и мягко, будто голос его струился, как звуки его же музыки.

Лицо Гэн Ихуая мгновенно потемнело.

Он моргнул, отменил движение и, обернувшись к водителю, всё ещё дрожащему от страха, бросил:

— Езжай домой.

Не нужно было гадать, отчего Гэн Ихуай в гневе. Водитель мгновенно рявкнул «Есть!», и, отъезжая, выглядел так, будто на нём было выбито большими иероглифами: «Век благодарен».

Гэн Ихуай развернулся. Его блестящие ботинки ступали по снегу, оставляя ровный ряд следов.

Свернув в переулок старого квартала, он произнёс:

— Я стабилизировал вход в логово всего несколько дней назад.

Через парящий у уха талисман донёлся долгий вздох Тао Нина:

— А кто виноват, что эти старые хрычи только и умеют, что уговаривать тебя завести наследника, а на настоящие дела — ноль?

Гэн Ихуай — с застывшим лицом и потемневшим взглядом — процедил:

— Теперь я понимаю, почему они так торопят меня со свадьбой.

— Кхе-кхе — а? — Тао Нин на том конце едва не поперхнулся кофе.

— Их кровь и правда ни на что не годится.

Не успел он договорить, как высокая фигура резко замерла — и исчезла в пустом переулке, оставив на снегу оборванный ряд следов.

В это самое время маленький цветочный ёкай наверху, чья демоническая сила была ничтожна, не имел ни малейшего представления о техниках великих ёкаев. Шэнь Синьши уехал на работу, и Янь Цин долго, надувшись, разглядывал стул, на котором только что сидел Гэн Ихуай.

Больше он господина Гэна не увидит!

И правильно! На вид — холодная бизнес-элита, а на деле — двуличный, ни капли искренности!

Лицемер!

Он мотнул головой, без колебаний зашвырнул господина Гэна в дальний угол сознания, взял ручку и вернулся к самой срочной работе.

Днём Янь Цин съездил в район, где кучковались парк аттракционов и торговые центры, и нашёл краткосрочную подработку — раздачу листовок. Требование: надеть громоздкий костюм-маскот. Место — парк аттракционов.

Без притока денег он не то что до понедельника не дотянет — раньше, чем успеет донести новую концепцию до «Хэньюэ», сам вылетит на улицу за неуплату аренды.

Раздавая листовки, Янь Цин не только не жаловался на неудобство костюма, но и радовался: внутри маскарада можно было незаметно надеть наушники и слушать топы в Вэйбо или популярные романы.

Пользоваться этим его научил Чжан Сюнь — с большинством функций смартфона Янь Цин не умел обращаться. Только так он мог получать информацию, не отставать от человеческого общества, а знание модных тенденций пригождалось ему в написании сценариев.

— ...А этот парк аттракционов рядом с моим родным старым театром, где я пустил корни.

Он посмотрел на часы и снял голову костюма — небо на горизонте уже окрашивалось алым закатом. — Персонажей новой концепции почти доработал. Сегодня вечером допишу сеттинг...

А завтра днём — снова на смену, вечером — снова работать. Расписание идеальное.

Он тихо улыбнулся уголками губ, и маленький клычок озорно выглянул в улыбке. Волосы почти не примялись под шлемом, а вместе с милым, неповоротливым костюмом... мимо проходившие девушки то и дело оборачивались.

Услышав щелчки затвора, Янь Цин, сфотографированный несколько раз подряд, наконец сообразил, что происходит: раз надел голову маскарада — очки снял.

Ловя на себе всё больше взглядов, он покраснел и торопливо шмыгнул в раздевалку — переодеваться.

Через мгновение телефон Янь Цина зазвонил.

Незнакомый номер. С отметкой в контактах.

— Чжун Фэнхэ.

Янь Цин замер, недоумевая. Момент был подобран не рано и не поздно — что задумал Чжун Фэнхэ?

Он смотрел, как телефон вибрирует, пока звук не прекратился. Через несколько секунд трубка загудела снова — Чжун Фэнхэ звонил без пауз.

Янь Цин всё-таки ответил.

Он не был равнодушен. В душе тлела злость — но, возможно, ещё теплилась надежда, что заподозривший его в плагиате начальник просто забыл выкупить у него концепцию и всё ещё

поставит его имя первым в титрах.

— Слушаю.

— Сяо Янь, — голос Чжун Фэнхэ звучал по-прежнему приветливо, без единой фальшивой нотки. — Цзычжан мне всё рассказал. Ты в курсе. Может, поговорим?

Чэнь Цзычжан?

Рука с телефоном замерла. Лицо застыло, ресницы дрогнули — в глазах вспыхнула ярость, куда сильнее удивления.

Вчера холодный ветер гнал косой снег, ледяные хлопья проникали за воротник. Чэнь Цзычжан держал его за руку и просил не идти к Чжун Фэнхэ.

Он сохранил тому работу и будущее. И, не колеблясь, выбрал для себя самый трудный путь.

А тот на следующий же день сдал его положение и планы Чжун Фэнхэ с потрохами.

Он машинально повторил:

— ...Чэнь Цзычжан?

Чжун Фэнхэ был куда спокойнее — судя по всему, даже в хорошем настроении:

— Думаю, нам есть о чём поговорить.

Янь Цин отчеканил без колебаний:

— Не о чем нам говорить...

— Вернёшься, поможешь мне закончить сценарий. Я оставлю тебе строчку в титрах в самом конце, но гонорар выплачу как основному сценаристу. Как тебе?

Пальцы, сжимавшие телефон, стиснулись сильнее:

— Исключено. Это моя идея.

Он не мелкая сошка в этом проекте — это его концепция и его синопсис.

Чжун Фэнхэ наконец снял маску учтивости и презрительно хмыкнул:

— Твоё имя на первом месте — да кто это купит? Кто вообще знает твоё имя? Голые идеи закон не защищает. А главное — когда ты озвучил мне эту идею, ты был сотрудником «Фэнняня». В твоём договоре чёрным по белому написано: всё, что придумано и создано в период работы, принадлежит студии.

Судя по звуку, он курил. Он неспешно выдохнул дым и продолжил тоном превосходства:

— Даже если ты подашь в суд — ты хоть представляешь, сколько такие дела тянутся с момента подачи иска и до решения? Молчу уже, что при действующем договоре ты не факт что выиграешь. Но, допустим, выиграешь...

Насмешка в голосе Чжун Фэнхэ становилась всё явственнее.

Он словно был котом, наблюдающим за загнанной в угол мышью, — с видом победителя, уверенного в своём триумфе.

— Даже если ты выиграешь — тяжба растянется на год-два, а то и больше. Тебе присудят пару-тройку сотен тысяч. А это хоть на копейку от суммы, которую я выручу за продажу сценария?

<http://bllate.org/book/21883/2280498>